

Младший из Созыва

— И как это связано с мореплаванием? — с любопытством спросил Гиро, который пришёл слишком поздно, чтобы услышать весь разговор.

Когда они сидели бок о бок, щека к щеке, то даже близкий знакомый мог бы принять их за близнецов, как меня с Фотиосом. Ясные голубые глаза осмотрели рисунки Дэймона, тёмно-каштановые волосы, которые он всегда держал длиннее, чем хотели старейшины, рассыпались по плечам. У них был одинаковый нос, сильная челюсть и уши, слегка заострённые у кончика.

— Мы украшаем корабль, — сказал Дэймон, и Гиро кивнул, словно это всё объясняло.

— Просим вежливо, как вижу.

— Вот почему люди не разговаривают с вами двумя, — сказал я. Гиро рассмеялся, а Дэймон спрятал ухмылку за кулаком.

— Тогда я проясню ситуацию для мальчиков, которые выбрали путь чемпионов, а не учёных. Как капитаны Софического Царства, я понимаю, что ваши черепа уже до отказа забиты теми десятью значимыми мыслями, которые вам приходится думать. — Бурный смех Гиро перешёл в отвратительное хихиканье, пока мы с Фотиосом предлагали ему священный жест Этосов - птицу.

— Как философы, мы ссылаемся на множество истин, чтобы усилить себя и мир вокруг нас, — объяснил он, сдерживая смех. — Мы живём по определённым принципам и навязываем свой собственный опыт другим. Каждая из этих вещей - важнейший элемент мыслящего человека...

— Это не элементы, — вмешался старик.

— Помилуйте, Аристотель. Это была просто фигура речи.

— Это была цветистая риторика.

— И Боги упасите, если мы скажем что-то только потому, что оно хорошо звучит, — сказал Гиро, закатив глаза. Аристотель фыркнул и толкнул тыльной стороной ладони по виску нашего брата, столкнув его голову с головой Дэймона. — Суть в том, что есть три аспекта, которые составляют философскую культивацию, так же как есть три аспекта души. Справедливо ли это, почтенный старец?

— Трёхсторонняя душа, — с отвращением сказал Аристотель. — Может нам заодно прочесть им лекцию о Формах? — Отец риторики усмехнулся и повернул голову, чтобы сплюнуть через борт корабля.

— Мастер, — сказал Дэймон, его глаза были отрешёнными, пока он обдумывал свои слова, — вы ведёте себя несносно.

Аристотель вздохнул и махнул рукой: «Ладно, справедливо. Возьми Платона и его правило трёх».

— Я благодарю мастера, — сказал Гиро. Повернувшись обратно к нам, он продолжил, — хотя некоторые имеют сомнения в его модели, мы опираемся на Платона и его теорию трёхсторонней души как культиваторы добродетели. Мы стремимся усовершенствовать наш разум, наш дух и наш голод, прокладывая путь к небесам.

— И по мере того как мы это делаем, мы ищем отражение этой тройственности в других вещах. Мы приписываем разум Философу, потому что Учёный был самым рациональным из нас всех. — На этот счёт даже Аристотель не стал возражать. — Мы приписываем дух Герою, потому что пламя сердца Чемпиона вечно горит в Олимпийском факеле. И мы приписываем голод Тирану, потому что Завоеватель пожирает всё к востоку от свободного Средиземноморья. Мы связываем эти понятия с физическими органами, такими как мозг, сердце и кишечник.

— Это в природе человека - искать во всём закономерности. — Дэймон откинулся от своей работы, а Гиро прижался спиной к вертикально установленной балке, которая будет служить мачтой корабля, пока наш старший брат использует её в качестве подушки. — Это то, как мы дошли до этого момента как человечество, это то, как наша культура продвинулась дальше этого, став цивилизованной, и это то, как мы вчетвером продвинемся дальше, чем все, кто был до нас.

— До вершины, — пробормотали мы с Фотиосом, как молитву.

— До вершины, — подтвердил Гиро, вглядываясь в космическое величие. Он продолжил, — Эта схема трёх существует в каждом из великих царств. Мы связываем разум с Философом, представляя его идущим по пути Учёного, но не всегда всё так просто. Философ - это всё ещё человек, а человек может идти по любому пути, который он выберет.

Гиро один за другим поднял три пальца: «Философ может рассуждать, философ может испытывать страсть и философ может испытывать голод. Он должен делать все эти вещи, если хочет выйти за пределы хрупкой смертности».

— У нас есть три основные способности, которые мы развиваем и совершенствуем с момента восхождения в Софическое Царство, — пояснил Дэймон, тоже подняв три пальца. — Как мы уже говорили. Призыв правил природы, жизнь по принципу и навязывание другим наши жизненные истины.

Разум. Дух. Голод.

Мы с Фотиосом впитали это в себя и позволили этому кипеть в наших умах. Вещи всегда

казались более понятными, когда их говорили Дэймон или Гиро – когда им было не лень приподнять завесу над своей риторикой. Надоедливые ублюдки.

— Значит, это украшение – разум философа, — рискнул я.

— И что привело тебя к такому выводу? — Аристотель надавил на меня. Я поморщился.

— Призыв правил природы, — к счастью вклинился Фотиос. — Призыв. Воззвание к высшему авторитету – неподвижному движителю, о котором ты говорил раньше. Именно это мы и делаем, когда призываем истину в качестве источника силы.

— Хорошо, — удовлетворённо сказал Аристотель. — И как бы ты воззвал к вышестоящему в твоём культе или к человеку с более высоким уровнем культивации? Сколько есть способов, которыми человек может воззвать к высшим силам?

— Столько же, сколько и звёзд на небе, — ответил Гиро. — Будь то изящная скульптура или убедительный аргумент, сила, хитрость или красота. Главное, чтобы это было приятно.

Дэймон махнул рукой на участок лодки, который он испещрил огнём: «Всё, что имеет значение, – это эстетика».

В передней части корабля, ближе всего к носовой фигуре – деревянной деве, протягивающей обе руки к морю, была выжжена голова орла, состоящая из многих десятков извилистых линий и вырезанных пальцами узоров.

— Божественность существует отдельно от нас, — тихо сказал Дэймон. — Мы обращаемся к ней единственным доступным нам способом. Создавая красоту, достойную внимания. Проживая жизни, достойные рассказа. Гиро ввёл вас в заблуждение: эти рисунки – разум философа, да, но это также страсть и голод. Каждая из этих линий была нарисована по законам природы, человеком, живущим в соответствии со своими принципами и пропитана светом его жизненного опыта.

— Но почему мы должны добавлять к ним ещё и наши отметины?

Он слабо улыбнулся: «Потому что это не только мой корабль. Он наш».

— Оставьте свой след так, как считаете нужным, — посоветовал нам Гиро. — Ваша собственная правда, ваши собственные принципы, ваш собственный жизненный опыт. До тех пор, пока это подходит.

— До тех пор, пока это красиво.

Мы с Фотиосом обменялись взглядами. Каждый из нас уже знал, какой вклад он внесёт в корабль. Молодой Аристократ, глава молодого поколения, оставил свой след в виде орлиной головы. Гиро, хищник со своим охотничьим клинком, несомненно, оставит свой след в виде пары когтей. Оставляя нам с Фотиосом место посередине между ними.

Чем ещё мы могли быть, как не крыльями?

— Это будет долгая ночь, — устало сказал я. Хотя я не мог отрицать и некоторого волнения. "Наш корабль". Это оно, не так ли?

— Мы будем спать, когда окажемся в море, — сказал Фотиос, ухмыляясь и перебираясь на другую сторону рамы, чтобы занять квадрат несгоревшей древесины.

— Такими темпами это будет ненадолго, — размышлял Гиро. Он посмотрел на Дэймона. — Ты не теряешь времени.

— Чем быстрее всё будет готово, тем лучше.

Я закатил глаза: «Ты продолжаешь это говорить, но так и не объяснил нам, почему. Где горит?»

Яркие концентрические кольца, вращающиеся в глазах Молодого Аристократа, на мгновение замерли. Я моргнул, и они возобнови движение.

— Я не знаю, — признал он.

— Тогда зачем мы вообще спешим? — раздражённо спросил я.

— С уважением, — добавил Фотиос настолько неуважительно, насколько мог.

Дэймон пожал плечами: «У меня есть предчувствие».

В конце концов, я полагаю, что это всё, что нам нужно было услышать.

•

— Лорд Этос! Лорд Этос!

— Хм?! — Я рывком поднялся на ноги, остатки ткани, не понадобившиеся для мачты, упали с меня. Фотиос очнулся на соседней скамье для гребцов, ругаясь так, словно он уже был моряком, и потянулся к своей тунике, чтобы вытащить трезубец из складок ткани.

Я последовал его примеру, потянувшись в складку своего алого культового одеяния, складку логики –

Следующее предложение истинно. Предыдущее утверждение ложно.

– и вытащил оттуда копьё.

Я был уже на полпути к тому, чтобы метнуть копьё с борта Эоса, когда, наконец, понял, кто это кричит нам с берега. Я прищурился на уродливого раба со сломанным носом, черты лица которого, были частично закрыты руками, которыми он защищал лицо.

– Подожди! — закричал он в панике. — Это я! Не надо!..

– Тон? — потребовал я. — Что ты здесь делаешь?

– Кириос получил известие из Олимпии сегодня утром! — Другой раб, имени которого я не знал, бросил нам рулон папируса.

Фотиос застонал, поймав его: «Будь ты проклят, Димас. Неужели это было так важно, что тебе надо было разбудить нас в этот нечестивый час?» — Раб, очевидно Димас, взглянул на весёлое небо над головой. Солнце как раз проходило зенит.

– Прошу прощения, Лорд Этос, — решил сказать он. Мудро. — Посмотри сам.

Мой близнец хмыкнул и развернул письмо, печать на котором уже была сломана. Я наклонился со своей скамьи для гребцов и прочитал письмо через его плечо.

Ох.

– Дэймон! — воскликнул Фотиос, широко раскрыв глаза. — В Ионии проблема!

– Кириос ведёт переговоры с Янни Скаллой, — поспешно пояснил другой раб, которого я никогда раньше не видел, уже поднимаясь на палубу. Он бросился к Гиро, который разминался на корме корабля. — Он хочет видеть вас всех, как только вернётся в главное поместье. Быстрее, Лорд Этос! Мы должны двигаться!

– Нет нужды, — сказал Дэймон, уже поднявшись на ноги и держа в руках такелаж, и с грохотом падающей ткани Эос впервые распустил паруса. Ветер сразу же наполнил их, и корабль напрягся, когда орёл, которого мы выжгли в его костях, пытался взлететь.

А затем корабль задрожал под нашими ногами, едва не перебросив нас с Фотиосом через борт,

и мы оглянулись, чтобы увидеть четвёртого раба, которого выбрал Дэймон, молча толкающего корабль навстречу набегающим волнам. Для раба обладать такой силой было...

Подождите ка.

— Где твои цепи? — спросил я раба. Он не поднял глаз от своей работы, даже когда Тон и Димас бросились добавить свою закованную силу к его усилиям по спуску корабля.

Но он лишь с усилием улыбнулся и ответил.

— Лорд Дэймон освободил меня.

Мы посмотрели на Молодого Аристократа, каждый из нас, молодые столпы Культа Розовой Зари. Наш старший брат одарил нас редкой ухмылкой.

— В Ионии проблема, — сказал он с яростной убеждённостью. — Олимпия призвала нас на помощь. Кто мы такие, чтобы игнорировать её?

"Нам нужно восемь", сказал он каждому из нас столь давно. Восемь вёсел были готовы и ждали на палубе Эоса, восемь пустых скамеек ждали, чтобы на них сели.

— Просто предчувствие, — недоверчиво пробормотал я. Фотиос рассмеялся и подскочил к своему веслу, когда корабль погрузился в море. Я перебрался через борт и помог Тону и Димасу подняться, а вольноотпущенник Дэймона резко вдохнул и запрыгнул напрямиком на палубу.

Ну что ж, чем бы оно ни было, некоторые вещи никогда не менялись.

С моими братьями жизнь всегда была интереснее.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3669583>